

Любая передача для журналиста начинается с определения той цели, которую он ставит перед собой, готовясь к ней. Любое жизненное событие, социальное или культурное явление многогранны и потому уже при выборе темы требуют от журналиста формирования своеобразной рамки, осознания границ проблемы. Все это помогает сосредоточению внимания на главном сначала самого журналиста, а потом и аудитории.

В некоторой степени выбор темы уже предопределен специализацией редакции, радиоканала или радиокompании, ее основными тематическими направлениями, форматом. У каждой радиостанции – своя проблематика, в которой журналист должен разбираться достаточно глубоко и основательно.

Таким образом, выбор редакции – первый и важнейший этап в определении главной темы журналистского творчества. Самое важное в русле этой главной проблемы – процесс накопления знаний, умение оценить новое явление или факт.

Часто возникает ситуация, когда молодой и бесспорно талантливый журналист быстро «выдыхается», и тогда к его передачам, репортажам или комментариям теряют интерес и слушатели, и коллеги. Причина проста: ему не хватило знаний, эрудиции. «Культурный слой», на котором он пытался возвести «свое здание» в эфире, оказался слишком тонок... (Отсюда столь заметное в 90-е годы стремление журналистов к «сильнодействующим» средствам в лексике, но об этом речь впереди.) И он начинает повторять азбучные истины, давно ставшие общеизвестными факты, вызывая у слушателей ощущение пустоты и досады.

Часто в таких случаях говорят, что исчерпана тема. Но это не так, исчерпана не тема – исчерпано знание журналиста об этой теме. Например, если корреспондент работает на радиостанции, обращенной к женской аудитории, он обязан тонко разбираться во всем, что именуется «женским вопросом», знать его многовековую историю, развитие, сегодняшнее состояние как у нас в стране, так и за рубежом. В противном случае (как произошло, например, в освещении «дела» Моники Левински – этот роман президента США с практиканткой в Белом доме занял огромное место в журналистике конца XX века) легко сбиться на одно лишь радостное пустословие, оставляя в полном неведении свою аудиторию относительно тех глубинных процессов феминистской революции, которые происходят сегодня в мире, и в частности в Америке, со всеми ее плюсами и минусами.

Второй этап освоения темы – специализация радиожурналиста.

Заметим, что, не найдя своей оригинальной темы, корреспондент вряд ли сможет стать сколько-нибудь заметной творческой личностью даже при наличии несомненного таланта. Хорошо, если человек, вступивший на журналистскую стезю, сразу находит ту тропку, по которой ему интересно идти. Радио знает десятки имен журналистов, которые добились признания именно благодаря тому, что мы понимаем под суховатым словом «специализация».

Это вовсе не означает, что на радио нет профессиональных областей, требующих широты охвата, нет своеобразного многоотемья, характеризующего, например, деятельность собственного корреспондента в том или ином регионе или работу ведущего

информационно-публицистической программы. Но такая широта охвата также является своеобразной специализацией журналиста, и она необходима, как и обязательное знание тех или иных особенностей региона, его истории, языка и культуры.

Специализация, безусловно сужая круг затрагиваемых вопросов, позволяет в то же время глубже проникать в их суть, раскрывать их, что называется, с уже готовыми доказательствами и фактами в руках. Она предусматривает не только знакомство журналиста с литературой и подбор информации по избранной тематике, но и организацию, и постоянное ведение им специального справочного аппарата, т.е. наличие своеобразного досье.

Досье журналиста – это прежде всего жизненный опыт и, конечно же, знания, накопленные им в период общей предварительной подготовки, о которой говорилось выше (такие знания, естественно, должны быть активно использованы на всех этапах работы); это понятия об основных и наиболее актуальных сторонах избранной тематики и «подходах» к ней, представление об этических рамках данной проблематики; и, наконец, это знание истории, географии, культуры региона, на который работает эфирный канал.

Приведем пример. Известный радиожурналист Ю. Гальперин, ведя из будапештского аэропорта протокольный репортаж (из Венгрии отбывал Н.С. Хрущев), из-за задержки гостя попал в критическую ситуацию. Уже прозвучали принятые тогда торжественно-грозные слова: «"Говорит Москва" Работают все радиостанции Советского Союза!», когда он понял, что приезд делегации в аэропорт задерживается. Ему пришлось говорить экспромтом 32 минуты – и он сделал это, потому что знал многое об этом ответственном визите.

Передача приобрела небывалую для подобного «официоза» глубину и цельность, став классикой радиодокументалистики.

Конечно, нельзя надеяться на то, что репортер владеет всей суммой знаний и фактов, которые выработало человечество, даже по сугубо ограниченной тематике. Кроме справок в Интернете хороший журналист пользуется газетными вырезками, сообщениями информационных агентств, справочниками по избранной специализации. Эти материалы могут быть заложены в личный или редакционный компьютер, куда могут также заноситься лучшие написанные на данную тему материалы – как собственные, так и коллег. В это же досье вносятся запомнившиеся фразы, цитаты, по тем или иным причинам не использованные в предыдущих передачах удачные приемы, «задумки», заголовки и т.д.

Журналист всегда должен быть готов при необходимости использовать этот материал. Хотя порой на то, чтобы накопленный и бережно хранимый материал пригодился (или, как говорят журналисты, заряд «выстрелил»), могут уйти годы. По словам одного известного журналиста, почти десять лет он берег запомнившуюся фразу из чеховского водевиля «Медведь» («Я порядочный человек. Я стреляю и попадаю пулей в подброшенную копейку...»), прежде чем использовал ее в очерке об олимпийском чемпионе по стрельбе.

Подобные наработки должны всегда находиться под рукой, но чтобы и их легко можно было найти, необходима строгая система их подбора и хранения. Она сугубо индивидуальна, но главное общее условие – не доверяться памяти (как в известной шутке Альберта Эйнштейна, сказавшего, что за всю жизнь ему в голову пришло две-три стоящие мысли и он запомнил их так, не записывая).

Второй совет – не забивать беспорядочно ящики письменного стола ворохом бумаг, газетных вырезок, случайных записей. Сделанные накануне заметки надо обязательно перечитать на следующий день, это поможет лучше запомнить их, найти точное место для них в архиве и, что особенно важно, восстановить ход мыслей, которые привели к необходимости сделать эту запись. Потому что зачастую бывает и так: обнаружив заметку через некоторое время, репортер не может вспомнить, зачем, собственно, была сделана эта запись («А ведь было что-то важное...»).

Несколько слов о системе хранения. Собираемые материалы обычно предлагается делить на чисто справочные: адреса, фамилии (обязательно имена и отчества!), должности людей, цифровые данные, даты и т.д.; проблемные: вырезки из газет и журналов, материалы по избранной тематике (как свои собственные, так и коллег), расшифровки не прошедших в эфир передач; наконец, творческие заготовки: неиспользованные заголовки, варианты начала передач, интересные наблюдения, фразы, словом, те самые «изюминки», которые определяют стиль передачи.

Распределив таким образом поступающие в личный архив материалы (допустимы и другие градации – в зависимости от тематики, специализации, вида вещания и т.д.), журналист определяет «места хранения». Для справочного материала это могут быть помимо компьютера особые карточки, хранящиеся как в библиотечном каталоге, так и в специальных ящичках (удобнее всего расположить их в алфавитном порядке).

Проблемные материалы можно держать в особых папках, причем здесь более удобным становится не алфавитный, а временной принцип их распределения, это поможет при необходимости сопоставить многие акценты, связанные с изменением характера эпохи, подходов к теме, жанровой структуры, языка.

Что же касается хранения творческих заготовок, то здесь наряду с перечисленными выше способами вполне приемлемым оказывается занесение записей в журналистский блокнот. Особенно это удобно для журналистов, работающих в прямом эфире, когда порой нет времени на длительную подготовку передачи.

При любом способе хранения следует строго соблюдать следующее правило: каждая запись, каждый архивный документ должны иметь пометку: где, кем, когда (а лучше – и в какой ситуации) написана данная статья, подготовлена передача, произнесена запомнившаяся фраза, откуда взята цитата, та или иная статистическая выкладка. Диктуется это правило не только культурой журналистского творчества и ответственностью перед собой и коллегами – отсутствие такой «сноски» ведет к большой затрате времени на поиски имени автора, статьи, цитаты и т.д.

Небрежное отношение к архиву может стать причиной неприглядной ситуации, такой, например, в которую попал однажды некий известный поэт, прочитавший по

радио стихи Бориса Пастернака, выдав их за свои. Плагиат обнаружился, конфуз был большой. Причина же скандала крылась всего лишь в неумении вести личный архив. Как-то незадачливому автору понравилось одно стихотворение великого поэта, и он записал его. Потом случайно обнаружил листок с чудесными стихами и принял их за свои. «Пикантность» ситуации заключалась еще и в том, что поэт этот считался одним из самых яростных гонителей Пастернака.

Перечисленные способы ведения архива применимы наряду с использованием компьютера, который, естественно, значительно облегчает хранение и доступ к информации, позволяет значительно увеличить ее объем.

Важный момент организации и ведения архива – его постоянное обновление. Избавляться при этом от старых материалов, если нет на то крайней необходимости, не стоит – неизвестно, где и когда могут понадобиться пожелтевшие листки, хранящие дыхание времени.

Все эти правила следует соблюдать и при хранении звукозаписей. Личный звуковой архив также должен найти отражение в строго оформленном каталоге. Правда, долгое хранение в обычных условиях магнитной пленки – дело рискованное. Она сохнет, становится ломкой, теряется качество звука, а порой и сама возможность воспроизведения его на профессиональной аппаратуре. Поэтому по возможности время от времени надо менять носитель звукозаписи (т.е. переписать с обычной магнитной пленки на кассету или CD, ввести в компьютер).

Сохранить на очень длительный период времени самое дорогое и необходимое в звуковой библиотеке радиожурналиста помогают лазерные диски, которые к тому же значительно освобождают место, занимаемое довольно громоздкими пленочными архивами.

Завершающий этап предварительной подготовки связан уже с конкретным заданием, полученным журналистом в редакции. К его выполнению можно готовиться исподволь, если тема и конкретная программа запланированы заранее или если журналист является ведущим какой-либо постоянной передачи или цикла. Но очень часто задание бывает связано с необходимостью оперативного освещения события в тот момент, когда оно происходит (это и есть собственно прямой эфир). В этом случае время подготовки сжимается иногда до нескольких часов полета на место события или даже до нескольких минут для участия, скажем, в оперативном интервью в студии. Но чем острее дефицит времени, тем большее значение приобретают основательность, глубина и «боеготовность», которую журналист приобрел на ранних этапах подготовки к передаче.

Определив тему и узнав задание, корреспондент «привязывает» все накопленное к данному реально разрабатываемому жизненному событию. На этом этапе радиожурналист независимо от того, выступает ли он в прямом эфире или собирается делать документальные записи, обязан четко представить себе, а при наличии времени и записать план действий. В него войдут:

- точное осознание цели задания (если она не очень понятна, следует обязательно переспросить или уточнить ее);
- пути получения как можно более полных и точных сведений об объекте;
- описание ситуации и обстановки, в которой придется работать;
- примерный перечень и формулировка вопросов, на которые необходимо получить ответы;
- определение жанра передачи, пусть даже предварительное;
- выработка одного-двух запасных вариантов на случай срыва той или иной договоренности, изменения ситуации и т.п.

Наконец, на этом этапе подготовки к эфиру радиожурналист обязан самым тщательным образом проверить технические средства записи. Надо быть уверенным в исправности своего главного инструмента – магнитофона (не сели ли батарейки и достаточен ли их комплект? достаточно ли количество дисков, пленки или кассет? нет ли на них нужных записей, которые могут быть случайно размагничены? в порядке ли микрофоны?).

Если прямой эфир идет из студии, следует проверить (также до начала программы), проходит ли сигнал от вас к режиссеру, работают ли телефоны связи с аудиторией, в наличии ли комплект музыкальных записей, отбивок и т.д. Непременнo нужно уточнить, вызваны ли к началу программы или к условленному времени ее участники.

Возможно, многое из этого не входит в прямые обязанности репортера или комментатора, но штат современных радиостанций крайне невелик, так что приходится заниматься и этим. Этап предварительной подготовки – сложная и кропотливая работа журналиста-профессионала. В ней нет мелочей, так как пренебрежение любой из них может привести к срыву программы.

Итак, предварительная подготовка к передаче завершена, и радиожурналист оказывается один на один с непосредственными участниками события, рассказ о которых и составляет смысл его творческой деятельности. Причем это может быть рассказ или интервью в прямом эфире, совпадающие по времени с событием вне студии или в самой студии, или работа, смысл которой в том, чтобы записать на пленку (а уже потом в аппаратной отмонтировать ее и «довести до кондиции») наиболее яркие высказывания, эпизоды и детали, – безотносительно к форме дальнейшего эфира перед журналистом возникают проблемы, связанные с профессиональным общением.

Общение в работе радиожурналиста

Готовя передачу, радиожурналист всегда общается с людьми: получает информацию о них и об их жизни, воспринимая и внутренне оценивая личностную сущность человека, выбирает свою адекватную систему поведения по отношению к нему. Другими словами, он непрерывно взаимодействует с людьми. В этом взаимодействии происходит

столкновение интересов двух сторон. Если интересы совпадают, общение развивается органично и безболезненно, правда, при условии, что журналист не совершает психологических ошибок. Разные или противоположные интересы в общении ведут к борьбе и появлению элементов противостояния. В журналистской деятельности и то и другое проявляется иногда в сложных, причудливых сочетаниях.

Многое решает целевая направленность материала. Одно дело создавать портретный радиоочерк, задачей которого является популяризация личности, и совсем другое – готовить острый критический материал, проводить журналистское расследование. В этих случаях желание «героев» сотрудничать с журналистом может быть совсем разным. Между этими полярными примерами есть бесчисленное множество вариаций, с которыми журналисту приходится встречаться в своей работе.

На готовность того или иного человека предоставить журналисту информацию, вступить с ним в контакт влияют различные факторы.

Во-первых, компетентность человека в том вопросе, по которому к нему обращается корреспондент. В случае отказа дать информацию журналист должен правильно представить себе его мотивы. Иногда они действительно связаны с тем, что человек, к которому он обращается, не знает материала в такой степени, чтобы высказать глубокое и интересное суждение. Тогда журналисту приходится искать другой источник информации. Конечно, с теми, кто не только знает и охотно готов дать все нужные сведения, но часто и сам звонит и пишет в редакцию, работать легче. Но здесь следует быть осторожным: мотивы такой активности не всегда продиктованы самыми лучшими побуждениями и действительной компетентностью человека в той или иной проблеме.

Во-вторых, система служебной субординации. Радиожурналист неизбежно столкнется с этим обстоятельством, как только попытается получить информацию в официальном учреждении, какой-либо фирме или на предприятии. Иногда человек, который компетентен в данном вопросе (журналист знает об этом более или менее точно), уклоняется от предоставления материала или выражения собственного мнения. Причиной может быть его неуверенность в положительной реакции вышестоящих инстанций на опубликование этого материала: во многих учреждениях предоставление информации по определенным вопросам резервировано за руководством. Из этого следует, что в каждом конкретном случае журналист должен правильно решить, на каком уровне ему следует устанавливать контакт, чтобы получить нужную информацию. Практика показала, что лучше всего обращаться (особенно это относится к официальным учреждениям) к лицам, по должности облеченным правом принимать решения, или в отделы по связям с прессой.

В-третьих, профессиональная принадлежность человека. Любой опытный журналист знает, что профессия накладывает отпечаток на характер обмена информацией. Эту интересную особенность подметил психолог П.М. Ершов: «Люди, привыкшие иметь дело с детьми, молодежью, люди, от которых по роду деятельности требуется доброжелательная аккуратность, кто имеет в виду будущее – педагоги, воспитатели, – часто имеют склонность преимущественно выдавать информацию. Всякого рода администраторы, занятые больше настоящим, наоборот, склонны чаще добывать ее. Для тех, кто привык употреблять слова с полной ответственностью – таковы военные, математики, специалисты в точных науках, – характерна склонность обмениваться информацией конкретной, однозначной даже тогда, когда речь идет о предметах, далеких от круга их профессиональных интересов.

Люди гуманитарных профессий – писатели, критики, искусствоведы, режиссеры – часто склонны, наоборот, к выражениям многозначным и к многословию. Профессиональные навыки выступают в характере обмена информацией всегда, разумеется, с поправками на индивидуальный характер каждого отдельного человека. Но все же нескладно говорящий адвокат, повышенно откровенный разведчик, постоянно начинающий позиционную борьбу с воспитуемыми педагог, многоречивый кадровый командир – все это в жизни исключения из правила, интересные как раз тем, что они иногда ярко характеризуют данного конкретного человека».

В-четвертых, психологические свойства личности. Одни люди более коммуникабельны, другие – менее. Признаки готовности или нежелания сотрудничать с журналистом, проявляющиеся во внешней реакции человека, не всегда могут быть расценены правильно. За негативным отношением к сотрудничеству может скрываться чрезмерная скромность или присущий человеку «комплекс неполноценности». Этот комплекс – явление вполне нормальное, так или иначе он проявляется у многих людей, и журналист должен с этим считаться. Терпеливое и тактичное развитие контакта, как правило, приносит успех.

Облегчить контакты с интересующими людьми журналисту помогает опять-таки специализация, т.е. работа в определенном диапазоне проблем. Конечно, такая специализация не всегда возможна, ибо задачи, возникающие перед ним, весьма многообразны. Но любой журналист с опытом обязательно «обрастает» связями в той сфере, которой он по преимуществу занимается, о которой пишет и о которой создает радиопередачи. Взаимоотношения с уже знакомыми людьми на основе собственной сложившейся и известной профессиональной репутации всегда проще и неформальнее отношений, которые возникают в результате первых, новых контактов. Постоянная забота журналиста о расширении круга своих источников информации – неременная предпосылка его успешной деятельности.

Ответственные, занятые люди иногда расценивают интервью для печати, радио и телевидения как непростое и не всегда нужное лично им мероприятие, требующее затрат времени.

Иногда за отказом скрывается боязнь высказать свое собственное мнение, нежелание входить в противоречие с мнением других, неопределенность и несформированность своих взглядов, а, может быть, и какие-то личные причины не «светиться» в СМИ. С другой стороны, это может быть связано с попыткой выиграть время для того, чтобы собраться с мыслями, или с неправильным пониманием целей интервьюера, неблагоприятной обстановкой беседы. Журналисту нужно уметь правильно классифицировать эти причины, вовремя прекратить разговор или искать его верное продолжение.

Уклонение от общения с журналистами почти никогда не бывает выражено в форме прямого и категорического отказа. Чаще используются более «мягкие» формы, поскольку известно, что обязанность предоставлять журналистам информацию и право последних собирать и свободно распространять ее закреплено законодательством. Чтобы избежать общения с корреспондентом, должностные лица, государственные и политические функционеры иногда прибегают ко всевозможным уловкам, ссылаются на занятость, «отсутствуют и неизвестно, когда будут», ускользают через «черный ход», отказываются комментировать, «"не хотят или не могут подтвердить или опровергнуть» ту или иную информацию, будучи вполне компетентными это сделать. Однако у тех, кто не понимает, что надо не бороться и игнорировать прессу, а научиться сотрудничать с

ней, средства массовой информации достаточно быстро вырабатывают «болевого рефлекс» – издержки такого поведения в некоторых случаях могут быть большими.

Опубликованный факт отказа предоставить журналисту информацию, как правило, уже сам по себе красноречив и негативно влияет на репутацию как должностного лица, так и представляемого им учреждения, а кроме того, дает оправданную этим обстоятельством возможность истолкования. Приведем пример.

Право на отказ в общении, в предоставлении СМИ информации абсолютно в том смысле, что у журналиста нет средств принуждения к обратному, но он пользуется своим правом сообщить о таком отказе, предоставляя таким образом общественности возможность сделать свои выводы.

Но чаще журналист встречает благожелательное отношение со стороны людей, к которым он обращается в поисках информации. Ведь если верно известное в журналистике выражение «имена делают новости», то справедливо и обратное – «новости делают имена»: рассказывая о событиях и фактах, передавая мнения и оценки, печать, радио, телевидение выделяют из общей массы героев своих передач, повышают их значимость в собственном и общественном сознании. При общении с журналистом учитывается влияние и значение СМИ как мощных каналов выражения и формирования общественного мнения.

В процессах общения конечная цель определяет лишь общую стратегию поведения общающихся. Тактика же, способы их поведения, как утверждает социальная психология, зависят от того, как воспринимаются и отражаются в сознании друг друга собеседники.

От журналиста требуется высокая культура, выражающаяся, в частности, в умении замечать и правильно истолковывать нюансы в поведении человека.

«Умение примечать главное в другом человеке, – пишет психолог А.А. Бодалев, – зависит не только от нашей наблюдательности, ума, от нашего воображения и способности к сопереживанию, но и от того, как мы руководим своими случайными эмоциями, насколько в ладу друг с другом наши чувства и ум».

Оценка журналистом партнеров по общению начинается с первых минут знакомства. И здесь опыт предостерегает от ряда типичных ошибок.

– Партнеру легко приписываются некоторые качества на основе установившихся стандартов оценки внешнего облика. Например, высокий лоб, очки часто заставляют предположить в собеседнике образованность, а седина дает повод думать о его богатой духовной жизни. Это элементарные примеры, но они показывают предрасположенность воспринимать человека определенным, «запрограммированным» образом.

– Партнера оценивают по принципу «сужу по себе», т.е. журналист приписывает свои душевные качества другому, переносит на него черты, свойственные ему самому, видит в другом человеке свой аналог.

– Журналист наделяет собеседника (особенно если это выдающаяся или высоко стоящая в общественной иерархии личность) набором положительных качеств, в действительности,

возможно, ему не свойственных. Такое представление может сложиться в ходе предварительно проведенного изучения предстоящего партнера по общению из разговоров о нем со «знающими» людьми, по слухам и т.д.

Вообще журналисту нужно научиться оперативно преодолевать инерцию первых впечатлений, которые лишь в редких случаях дают точное представление о людях. В сознании воспринимающего первые впечатления чаще всего относят человека к одной из групп людей в тех «классификациях типов», которые сложились в прошлом опыте. Дальнейшее узнавание человека ведет к раскрытию в нем признаков, составляющих своеобразие его личности.

Предположим, радиожурналисту необходимо установить контакт с известным ученым, чтобы получить информацию о работе института. Конечно, с самого начала он должен иметь четкое понимание и своей профессиональной роли. Предоставление информации журналисту не нужно рассматривать как некое одолжение, в этой ситуации он не проситель, не ходатай по личному делу, а человек, работающий для большой аудитории, представляющий ее интересы, – таков исходный момент в стиле общения. Поэтому уже при первом (скорее всего, телефонном) контакте речь журналиста должна быть краткой, деловой, ему следует дать понять, что он уважает не только время партнера, но и свое собственное.

Возьмем в качестве примера два варианта телефонного разговора:

I. «Господин Петровский? Вас беспокоят из редакции "Маяка". Нам стало известно, что в Вашем институте сделано интересное открытие. Вы занятой человек, но не могли бы уделить немного времени для небольшого интервью в связи с выдвижением этой работы Вашего коллектива на соискание Государственной премии? Очень бы хотелось сделать материал. Это говорит корреспондент Бояринцева, я могла бы подъехать в любое удобное для Вас время».

II. «Господин Петровский? Говорит корреспондент Наталья Бояринцева из радио "Маяк". В связи с опубликованием списка работ, выдвинутых на соискание Государственной премии, хотим просить Вас дать интервью для радиослушателей. Рассказ об этой работе представляет для нашей аудитории большой интерес. Если Вы не возражаете, давайте договоримся о времени и месте встречи».

И в том, и в другом случае дальше может идти уточнение темы беседы, ориентировочная формулировка вопросов, которые предполагается затронуть, обсуждение различных обстоятельств. Но исходный, стартовый момент в установлении контакта, способный существенно повлиять на дальнейшее общение, как нетрудно заметить, разный: элемент самоуничижения, слабой позиции в первом варианте и спокойной уверенности – во втором. Второй вариант более профессионален, хотя, конечно, и он не обязательно сработает безотказно: партнер может быть очень занят, может уезжать в командировку, наконец, оказаться просто малоконтактным и трудным в общении. Но в любом случае такая манера ведения разговора предпочтительней.

Образ собеседника как личности и осознание его общественной роли складываются у журналиста относительно четко по окончании подготовки к встрече. Мы уже говорили,

что в дальнейшем могут возникнуть некоторые уточнения и корректировки, но если у включенного микрофона (а специфика радиожурналистики в том и состоит, что момент общения в прямом эфире одновременно есть и результат его) репортеру приходится кардинально переоценивать имеющиеся представления, это означает, что его подготовка не была удачной. Перед интервью полезно задать себе несколько вопросов. Например:

"Каково самоопределение партнера по общению?"

"Не кажется ли он сам себе значительнее, чем есть на самом деле?"

Встречаются и среди умных людей такие, чья оценка собственной персоны воспаряет в заоблачные сферы. Или, наоборот, человек умаляет свою истинную цену, испытывает смущение от того, что его скромная личность привлекла внимание журналиста.

«Каков в представлении собеседника журналист: человек, снисходящий до того, с кем общается, достойный собеседник или профан, отнимающий время?»

Академик Л. Ландау, физик с мировым именем, находившийся в сложных отношениях с журналистами и «достижимый» для очень немногих из них, на вопрос, каким он представляет себе дельного журналиста, ответил: «По всей вероятности, корреспондент должен быть хорошо эрудированным в тех вопросах, которые он освещает, дабы не путать, как это было однажды после беседы со мной, теорию относительности с теорией вероятности... Корреспондент всегда обязан точно знать, зачем он пришел к человеку, какую именно информацию он хочет получить. Нужна точная цель, стержень, ствол беседы, а уж ответвления от этого главного – дело второстепенное...» Знаменательно, что Ландау сказал это именно тому радиожурналисту, с которым он часто общался, кто был для него достойным собеседником.

"Каков я в глазах того, с кем общаюсь?" – этот вопрос задает себе каждый радиожурналист, особенно в начале своего профессионального пути. Если попытаться с этой точки зрения определить оптимальный психологический тип личности радиожурналиста, можно сказать: это воспитанный человек с сильным характером, проявляющий дружескую расположенность в общении. Ему свойственны уверенность в себе, сдержанность, тактичность, мобилизованность и подтянутость.

Уверенность в себе. Эту черту характера не следует путать с самоуверенностью. Уверенность в себе основана на осознании общественной полезности дела, которому служит радиожурналист. Сила личности связана с убежденностью в правоте своего дела, в поддержке со стороны общественности. Самоуверенность же выражается в противопоставлении себя окружающим и потому производит плохое впечатление, особенно если под ней скрывается невежество.

Сдержанность, по существу, означает экономию в проявлении эмоций, своих личных симпатий и антипатий, умение оставаться в корректных профессиональных рамках. Поспешность выводов и обобщений в оценке людей свидетельствует о недостатке сдержанности. Другая крайность – эмоциональная «скупость».

Тактичность – верная спутница сдержанности, правильный выбор линии поведения применительно к конкретным обстоятельствам. Тактичность – это инстинктивное чувство равновесия, а не маска, используемая для того, чтобы любой ценой поддержать удобные отношения; это уважение и понимание личности собеседника, мотивов, которыми он руководствуется в общении с журналистом; это и крайняя осторожность, и любезность в тех случаях, когда именно эти качества необходимы.

Мобилизованность и подтянутость как внутренняя, так и внешняя. Журналист должен держаться с достоинством, без фамильярности, которую можно принять за развязность, но и без лишнего напряжения, выглядеть всегда готовым к деятельности. Его внешний вид тоже можно считать фактором общения (встречают «по одежке», как говорит русская пословица).

В процессе общения интересы взаимодействующих людей различаются, между ними так или иначе распределяются роли: один партнер (в нашем случае радиожурналист) стремится получить информацию, другой – дает или должен дать ее; один из них может быть на позиции сильного, другой – на позиции слабого. И есть еще один, предпочтительный для журналиста вариант: позиция равных собеседников, каждый из которых – профессионал в своем деле.

Обстановка общения становится благоприятной, если собеседник чувствует непредвзятость, беспристрастность журналиста, видит, что его принимают таким, каков он есть на самом деле, независимо от обстоятельств и занимаемого им положения в обществе, и атмосфера доверия немедленно разрушается, если у партнера по общению возникает ощущение, что он представляет для журналиста интерес только как средство достижения профессиональных целей.

Репортер в прямом эфире

Корреспондент обязан учитывать, что «живая передача», форму какого бы жанра она ни принимала, – это еще и особый вид контакта с аудиторией.

Работа в прямом эфире, позволяющая, действительно, использовать все возможности радио, должна предусматривать некое равенство между ведущим и аудиторией. Успех передачи определяется не только емкостью и оперативностью информации, ее оценкой слушателями, признанием правоты журналиста или, по крайней мере, попыткой понять его точку зрения, прислушаться к ней, но и умением ведущего найти форму искреннего разговора и желанием выслушать оппонента. Именно здесь смыкаются или расходятся точки зрения, здесь возникает уже не радиовещание, а радиообщение, когда журналист-ведущий и радиослушатель – равные партнеры.

Этот настрой на общение – решающее качество, которое необходимо вырабатывать в себе ведущему прямого эфира, ибо никто не захочет слушать человека, не заинтересованного в поддержании процесса взаимодействия с аудиторией.

Прямой эфир, в том числе и в форме прямого репортажа, – это доходчиво и живо поданная звуковая картина происходящего, донесение существа ситуации до аудитории.

Это гегелевское «становление смысла» в ходе свершения события, когда слушатель вместе с ведущим еще не знает, что произойдет в следующую минуту. Отсюда и особое обостренное внимание аудитории, которая как бы «входит» в атмосферу происходящего в реальном времени и становится его непосредственным свидетелем, более того, участником, думающим и решающим самостоятельно.

Умелое построение материала позволяет уйти от поверхностного изложения репортажа. Задача журналиста здесь не только описывать происходящее, но и предусматривать возможную реакцию слушателя, мгновенно реагировать на ход его мыслей. В этом – признак высокого профессионализма. Обратимся к примеру.

Корреспондент в прямом эфире ведет рассказ о подготовке к рейсу нового туристического морского лайнера, который будет курсировать между Санкт-Петербургом и Гамбургом. Он подробно останавливается на красотах его внутреннего убранства, роскошных коврах, картинах, бронзовых пилястрах и т.д.

Следует долгая пауза...

И затем – реплика ведущего, несомненно, рассчитанная на вполне естественную реакцию «рядового» слушателя:

«Ну, это не для нас!...»

Корреспондент. А почему вы думаете, что мы с вами не достойны всего этого?..

Реплика, как бы объединяющая ведущего, корреспондента и слушателя, рассчитана на нечто большее, чем простое сообщение о событии, которое оказалось лишь поводом для размышлений. Происходит смещение акцента – один из приемов, позволяющий из ряда обыденных фактов высечь искру публицистического эффекта. Заметим, что это возможно лишь в том случае, когда ведущий и слушатель находятся в одном «временном пространстве».

Несомненно, современный прямой радиорепортаж становится скупер, лаконичнее в деталях уже хотя бы потому, что у слушателя почти всегда есть возможность обратиться к телевизионному эквиваленту, способному заменить множество слов одним изображением.

Обычно на прямой эфир с места события информационная программа на любом канале выделяет не более 2–3 минут, за исключением, возможно, спортивных и протокольных репортажей, и это рождает стремление к точности, выразительности, а главное – к емкости речи.

Так, например, оценивая в коротком сообщении с места прохождения малочисленную, но шумную и крикливую демонстрацию, корреспондент бросает печально-комическую фразу-цитату: «Долог их путь. Страшно далеки они от народа...» Или в репортаже о концерте выдающегося пианиста Давида Ашкенази, приехавшего из эмиграции в Москву

на гастроли, журналист, подглядев, как солидный маэстро украдкой ершит волосы перед зеркалом, замечает: «Смотрите, несмотря на 28 лет разлуки, маэстро причесывается по-русски!» Такая фраза заменяет по своей эмоциональной насыщенности (да и по смыслу) любое длинное рассуждение на тему ностальгии.

Вообще стремление передать одной-двумя фразами суть происходящего (наряду с описанием и звуковой картиной) – одно из самых плодотворных направлений в практике прямого эфира. Такой «словесный концентрат», по сути, становится образным осмыслением события, подобно тому, как стало звуковым образом великого события знаменитое гагаринское «Поехали!..»

Стремясь к максимальной насыщенности и точности языка, нужно помнить, что слушатель всегда оценивает не только характер события и его составляющие, но и самого журналиста именно в силу важнейшего свойства специфики радио – его личностного характера воздействия на аудиторию.

Журналист на радио должен постоянно ощущать, что современный прямой эфир (в отличие, скажем, от дикторского текста), во многом из-за телевидения, все более тяготеет к аналитичности. И это относится ко всем жанрам. Так, во время беседы корреспонденту постоянно приходится следить за ходом мысли, решая на ходу, на какие не заданные еще вопросы его собеседник уже ответил, не стоит ли отказаться от некоторых запланированных вопросов из-за того, что в процессе интервью возникли новые, появились какие-то другие повороты темы, о которых журналист не догадывался ранее.

Ведущий. Федор Чистяков – лидер группы «Ноль» – всегда неохотно давал интервью, считая, что все сказано в его песнях. Особенно упорно он молчал последние два года. Наш корреспондент стал первым из журналистов, с кем Федор согласился встретиться.

Корреспондент. Федор, выйдя из больницы, ты вступил в секту «Свидетели Иеговы». Насколько мне известно, раньше ты мало интересовался религией.

Ф. Ч. Я не знал, где именно окажется то, что мне нужно на самом деле. Вообще-то это нужно каждому человеку.

Корреспондент. Чем занята твоя жизнь сегодня помимо религии?

Ф. Ч. До определенного момента я работал на заводе – собирал патроны для светильников, прикручивал провода. Это приносило мне некоторые деньги, меня никто не трогал, и я имел возможность спокойно размышлять. Пока не созрел для занятий музыкой. Изредка я брал гитару, что-то наигрывал и постепенно пришел к выводу, что теряю форму. Поэтому сейчас я ушел с этой работы, чтобы освободить побольше времени для музыки.

Корреспондент. В какой-то степени это будет напоминать группу «Ноль»?

Ф. Ч. Нет, это совершенно новый проект. Не то чтобы я был принципиально против участия музыкантов из группы «Ноль», но боюсь, что это будет очень сложно по ряду

причин. Со словом Божиим новый проект будет связан, но не напрямую. Есть специальные христианские певцы, но мне бы этого не хотелось.

Корреспондент. Почему?

Ф. Ч. Это уже вопрос, скорее, о том, чем должен и чем не должен заниматься христианин, т.е. разговор уже не о музыке, а на религиозную тему. Ну, а если просто, я хочу, чтобы музыка моя была общедоступной и чтобы я не находился в положении, будто бы я свои идеи кому-то навязываю.

Если прочесть внимательно этот фрагмент, нетрудно увидеть, как журналист умело и «с ходу» перестраивает характер беседы, позволяя материалу раскрыть перед слушателями не просто планы певца, но и его характер.

И, наконец, еще об одном аспекте творческой технологии прямой передачи с места события, влияющем на специфику подготовки к ней.

Прямой эфир – это всегда фиксация мгновения, описание ситуации устами ведущего-журналиста. Отсюда неизбежна субъективная форма изложения, когда автор с полным правом говорит от первого лица, от своего «я» о своем видении события и о своем впечатлении. А значит, именно в этом случае требуется особая индивидуализация языка, голоса, манеры повествования. Хорошего репортера должны узнавать с первых же слов в эфире, как узнавали и помнили долгие годы голоса и манеру держаться у микрофона таких мастеров, как Вадим Синявский, Константин Ретинский, Юрий Арди, Николай Озеров, Юрий Гальперин...

Однако заметим, что чрезмерная индивидуализация языка может иметь и свою негативную сторону, особенно в том случае, если ведущий начинает тяготеть к ненормативной лексике. Об этом, кстати, предупреждают многие руководства для создателей радиопередач во многих странах мира, требуя от журналистов осторожности и точности в использовании радиийной лексики именно потому, что радио, будучи средством массовой информации, основанным исключительно на слове, уже выбором стилистики речи способно оказывать колоссальное воздействие на эмоциональный настрой аудитории.

В предыдущей главе мы уже упомянули о том, что в последней трети XX века границы между жанрами на практике стали чрезвычайно размытыми, и если в 50–70-е годы успех радиопередачи и работы журналиста часто и справедливо связывали с точностью жанрового выбора для освещения того или иного события, то в 80-е и особенно 90-е годы стало очевидно, что в прямом эфире (а это завоевание отечественного вещания относится именно к этому периоду) неизбежно происходит смешение разных жанров в структуре одной передачи.

Так, например, ведя прямой эфир с премьеры нового кинофильма, журналист в той или иной степени обязательно использует:

- радиосообщение (информационную заметку) о самом факте выхода нового фильма к зрителю;
- интервью с режиссером и исполнителями главных ролей;
- комментарий, раскрывающий процесс создания фильма от замысла к воплощению;
- «круглый стол», где будут высказаны различные мнения;
- репортаж о торжественном открытии этой премьеры, об атмосфере на сцене, в зрительном зале и фойе.

И, наконец, если журналист заранее добросовестно подготовился к программе, то по согласованию с ведущим, находящимся в студии, в нее могут быть включены заранее записанные на пленку радиозарисовки или миниочерки об авторах фильма.

Однако все эти (и некоторые другие) компоненты еще не создадут впечатления целостного материала. Необходимейший элемент прямого эфира, который поможет сцементировать отдельные составляющие в единое целое, – это уже упомянутое выше описание ситуации.

Только тогда, когда репортер опишет вид зала, передаст настроение публики и общее состояние напряженного ожидания, голоса возбужденных участников премьеры, даст услышать аплодисменты, музыку и речь, идущую с экрана, только тогда ему удастся «перенести» слушателя на место события и предоставить ему возможность услышать и прочувствовать то, что он сам слышит и переживает.

Заметим, что, широко используя элементы очерка, интервью, комментария, даже отчета, прямая передача вбирает в себя их эмоциональную ценность, становится более живой, интересной и яркой.

Прямой эфир тематически всеяден. Поводом для него может быть и футбольный матч, и театральная премьера, и последний звонок в школе. Непременное условие – журналист обязан быть непосредственно на месте события, участвовать в нем, чтобы иметь возможность рассказать о нем достоверно и интересно. Но именно это обстоятельство в определенной степени иногда ограничивает выбор объекта для прямого репортажа. В основном этот выбор возможен в том случае, если событие или запланировано заранее (спортивная встреча, государственный визит, презентация книги и т.п.), или на место события можно успеть добраться в течение времени, пока оно еще длится (военные действия, извержение вулкана и т.п.); если журналист случайно оказался на месте происшествия с магнитофоном или если репортаж делается по горячим следам события.

Есть еще один вариант – так называемая спровоцированная ситуация, когда журналист заранее конструирует передачу (иногда достаточно острую и рискованную), как бы провоцируя ее участников (например, журналистка, «переодетая» путаной, предлагает взятку милиционеру или репортер пытается пронести недозволенный груз через таможеню и т.д.). При этом всегда возникает целый ряд этических, а иногда и правовых проблем, поэтому тщательный учет последствий здесь крайне необходим.

Журналист, на события начинающий свою работу с «ориентации на местности» и в кругу его участников, должен соблюдать несколько правил:

– определить место, где он будет находиться с микрофоном в руках; следует непременно учесть возможность акустических помех, удобство установки аппаратуры, определить для себя возможность передвижения по ходу события и – что особенно важно – оговорить это передвижение с организаторами;

– прибыв на место, по возможности договориться заранее с главными героями события об их участии в передаче (если это, например, спортивный репортаж, согласовать встречу после финала соревнования);

– проверить предварительные заготовки текста и убедиться, что они совпадают с реально складывающейся ситуацией и атмосферой.

В профессиональных кругах хорошо известен случай, происшедший со знаменитым радиожурналистом, который должен был вести репортаж о всесоюзном молодежном празднике со стадиона в городе на Неве. Праздник заранее был отнесен к категории выдающихся событий в политической и культурной жизни всей страны, из столицы приехали члены правительства, лидеры комсомола. Журналист прилетел в Ленинград всего за час до начала торжеств, но он был заранее оснащен всей необходимой информацией о празднике, имел сценарий парада, описание художественного оформления и т.д. В кармане у него находились превосходные заготовки, в которых он в полную силу выразил свои профессиональные радости по поводу события, найдя для этого всевозможные литературные образы и построения.

Выйдя из самолета, журналист с удовольствием огляделся, убедился, что солнце, как и предполагалось, ярко светит, что на небе ни облачка и что все его художественные изыски окажутся к месту. Но ведь это Балтика, где погода меняется в течение нескольких минут. Пока журналист доехал до островов, где был расположен стадион, хлынул ливень, сильный ветер превратился в ураган, который вместе с градом разметал большую часть «художественного оформления» праздника.

А потом снова выглянуло солнце, и праздник решили не отменять. Но каково было корреспонденту, который, достав из портфеля все свои заготовки, убедился, что ни одна из них не соответствует действительности. Пришлось импровизировать (к чему он оказался не готов), и в эфир вместо внятного рассказа пошел набор стандартных фраз вперемешку с длинным «эканьем» и «мэканьем».

Ориентация на «запланированном» событии непременно подразумевает, что журналисту известны не только предварительный сценарий мероприятия, но и «подводные камни», которые могут возникнуть по ходу его работы. Один такой пример, вошедший в классику отечественного радиовещания, связан с историей легендарного парада на Красной площади 7 ноября 1941 года.

Накануне парада группу журналистов, в том числе и Вадима Синявского, вызвали с фронта в Москву. Подготовиться к репортажу у них не было ни времени, ни

возможности. Знали только, что принимать парад будет маршал С.М. Буденный. Перечень подразделений-участников должны были сообщить журналистам перед самым началом.

Вьюжным ноябрьским утром работники радио разместились в здании ГУМа, откуда по традиции они должны были вести репортаж. Никаких материалов им не принесли, в их «арсенале» было лишь то, что они могли рассмотреть в бинокли. Буденный принял рапорт и поднялся на трибуну Мавзолея. Как раз на этот случай имелась заготовка – небольшой комментарий о славных традициях Красной Армии, которую «создавали и возглавляли Ворошилов и Буденный». Пока Буденный поднимался по ступенькам Мавзолея, кто-то из репортеров и должен был произнести этот комментарий.

И тут Синявский, видя в бинокль, что Сталин, до этого нервно ходивший по трибуне, останавливается прямо возле микрофона, интуитивно хватает коллегу с текстом о Буденном за руку: мол, подожди! Но слушателям коллега уже сообщил: «К микрофону подходит маршал Советского Союза...» А Буденный останавливается далеко от места оратора, к микрофону поворачивается сам Сталин (который в 1941 году еще не был маршалом, и поэтому просто произнести одну фамилию вместо другой было нельзя). Синявский успел сориентироваться и после секундной паузы торжественно объявил выступление Верховного Главнокомандующего.

Вообще готовность к импровизации – обязательное свойство любого журналиста – с опытом возрастает и дает замечательные плоды в самых неожиданных обстоятельствах.

Еще один пример из корреспондентской практики Вадима Синявского, тоже ставший легендой отечественной радиоистории.

...1945 год. Наши футболисты участвуют в ответственном матче, который проходит в Англии. Матч транслируется на весь мир, но наибольший интерес он вызывает в нашей стране. Напомним, что в эти послевоенные годы футбол был едва ли не главным общенациональным увлечением и репортаж Синявского ждали почти как правительственное сообщение о снижении цен. А в Лондоне в тот день был туман, и из ложи прессы (место комментатора) не было видно, что происходит на поле.

Советские спортсмены предложили перенести игру, но устроители матча отказались: деньги в кармане, все билеты проданы.

И вот начался матч. Синявский ориентировался по расплывчатым фигурам игроков. Новая волна густого тумана навалилась на поле так, что комментатор видел уже не игроков, а неясные тени. Тогда он покинул комментаторскую кабину и вышел с микрофоном на боковую линию поля, выиграв метров тридцать. Туман сгустился.

Синявский знал, что в наших воротах стоит замечательный вратарь Алексей Хомич. Судя по движению на поле, шла атака на наши ворота. И вот рев стадиона и взрыв аплодисментов – то ли Хомич пропустил гол, то ли взял мяч...

Синявский убирает свой микрофон за спину и, пользуясь тем, что за шумом стадиона не слышен его голос, кричит нашему капитану, защитнику Семичасному:

– Миша, что?!

– Хома взял!

Эти два слова Синявский расшифровал в эфире так: «В блестящем броске из правого верхнего угла Алексей Хомич забирает мяч. Отличный бросок! Вы слышите шум стадиона? Вы слышите эти крики? Это Хомичу аплодирует Лондон».

Необходимость импровизации в прямом эфире возникает и в менее трагикомических ситуациях. Но она возможна лишь при хорошем знании предмета.

В воспоминаниях диктора Ю.Б. Левитана есть рассказ о том, как замечательный актер О.Н. Абдулов, много лет работавший на радио диктором, читал в прямом эфире текст научно-популярной и очень скучной для рядового слушателя статьи. Вдруг две последние страницы неожиданно скользнули у него под пальцами и оказались на полу, довольно далеко от дикторского столика. Как быть? Неужели встать, ходить по студии, собирать листки? Об этом и речи быть не могло – такая пауза в эфире, да и прихрамывал Осип Наумович. А из аппаратной уже стучат в стекло, отделяющее технику от дикторской, жестами показывают: «Продолжайте!» Положение просто критическое!

Но так как к этой передаче Абдулов, как всегда, готовился очень тщательно, глубоко проработал и усвоил ее содержание, то всем на удивление он озвучил материал до конца без текста. Из студии, правда, вышел в состоянии довольно подавленном, ожидая неприятностей. Но строгий редактор оценил изобретательность Осипа Наумовича: «Ну что же, товарищ Абдулов, – сказал он. – Конечно, статейка тяжеловата. Скучно написана. Но зато в конце автор проявил блестящий юмор, изящество мысли, и концовка у вас прозвучала великолепно!»

Журналист должен быть готов к любому неожиданному повороту события, который преподнесет ему жизнь. Это не означает, что он в состоянии «просчитать» все возможные варианты, – речь идет о внутренней готовности, когда наблюдательность, быстрота реакции, аналитический дар и умение мгновенно «схватить» суть события – все эти свойства человеческой личности становятся качествами профессионала. И, конечно же, здесь очень важна эрудиция журналиста, знание всего того, что стоит за пределами события, его информированность в освещаемой проблематике.

Именно эти качества позволили радиорепортеру в 1998 году убедительно и без ложной сенсационности рассказать о действительно шокирующем событии, когда выдающийся русский писатель А. Солженицын публично отказался от получения высшей награды России. Репортаж вместил и взволнованный гул голосов, и растерянные возгласы аудитории, а главное – внешне сдержанный, но полный глубокого внутреннего накала комментарий журналиста. Произошла переориентация в ходе события от репортажа к публицистическому комментарию (предопределенная внезапно раскрывшейся глубиной значимости происшедшего). Вместо обычной протокольной раздачи регалий с поздравлениями, пожатием рук и «выражением благодарности», на которую и ориентировалась редакция, посылая журналиста на задание, – решительный отказ художника от каких-либо торжеств и наград в дни нелегких испытаний, выпавших на

долю народа. Именно это обстоятельство выделил как основное и счел необходимым донести до слушателей радиожурналист.

Но право на такой подход к освещению события надо завоевать, и его дает не только мастерство, но и такие факторы, как известность журналиста, его узнаваемость аудиторией, доверие к нему. Все это достигается годами практики.

Иногда события, свидетелем которых оказывается радиожурналист, могут принимать трагический оборот, требуя от него не только профессионализма, но и огромного морального и психического напряжения. Известен, например, случай, когда во время футбольного репортажа рухнула часть трибун стадиона. Спортивный репортер счел своим долгом в коротком комментарии с горечью сообщить о происходящей на его глазах беде. Правильно ли он поступил? Может быть, оставив микрофон, ему следовало броситься на помощь в самую гущу человеческой трагедии? Думается, нет, ибо человеческим и профессиональным долгом журналиста было донесение до широкой аудитории этой трагической информации, с тем чтобы подобное не могло повториться.

В этой верности законам профессии и методам их осуществления и состоит профессионализм журналиста.

Не всегда на событие редакция посылает «специалиста по данной теме». Порой корреспонденту «достаётся» прямой эфир, несмотря на то что материал совсем «не по его профилю». В этом случае репортеру приходится в большей степени опираться на мнения авторитетных людей, присутствующих на событии, особенно если оно неоднозначно и необходимо ознакомиться с различными оценками происходящего. Для этого существует множество вариантов. Так, в спортивном репортаже есть смысл пригласить к микрофону, например, только что прошедшего дистанцию спортсмена для совместного комментария. Такой помощник, конечно же, лучше разбирается в своем виде спорта, кроме того, его «непрофессиональный голос» прекрасно передаст еще не остывший азарт борьбы и станет дополнительной краской в звуковой картине события. Нельзя только забывать, что специфика радио требует ограничения количества приглашаемых к микрофону: их должно быть не больше двух или трех, особенно если все они участвуют в разговоре одновременно. Во многом это ограничение связано не только со спецификой восприятия звукового материала по радио, но и с этическими проблемами: этика ведения передачи требует предоставления хотя бы приблизительно равного отрезка времени для всех приглашенных участвовать в беседе.

В одной из передач, в которой неопытный журналист собрал около десяти участников, одному из них удалось лишь произнести: «О да, конечно...» А это был главный редактор крупнейшей центральной газеты, человек знающий, интересно размышляющий и блистательно формулирующий свои мысли.

Прямая передача с места события предусматривает ситуацию открытого разговора с аудиторией и, конечно же, не допускает читку заранее заготовленного текста. Фальшь особенно заметна, когда текст написан в демонстративно «литературном» или, напротив, в нарочито «разговорном» тоне. Любая нарочитость, любой сознательный уход от естественной речи, присущей журналисту (к

которой постепенно привыкает и аудитория, знающая его), всегда разрушают единую интонацию программы, а следовательно, и подрывают доверие слушателей.

Великое достоинство прямого эфира как раз в том и заключается, что он предоставляет человеку у микрофона максимальные возможности для самовыражения – и интеллектуального, и чувственного. Найти «свой тон» в любом рассказе, в любой передаче – это высшее выражение профессионального мастерства, творческой состоятельности и независимости корреспондента, возможность демонстрации самых разнообразных свойств характера журналиста и его дарований. Но, конечно, прямой эфир – это каждый раз и своеобразный экзамен для журналиста, причем часто самый неожиданный, почти за границами его чисто профессиональных обязанностей. Но тем не менее...

На радиостанции «Эхо Москвы» шла популярная передача об истории одного из самых известных московских театров. Заранее были подготовлены и введены в компьютер фрагменты из разных спектаклей, монологи знаменитых актеров, т.е. все то, что придает подобной программе достоверность и убедительность. И журналист, комментировавший эти архивные записи, и постоянные ведущие эфира работали слаженно, четко и уверенно, так как были «полностью в материале». До конца передачи оставалось около пяти минут, которые должны были быть заняты монологом известного артиста из одной в прошлом популярной пьесы.

Закончив свое выступление, журналист объявил монолог и облегченно откинулся на спинку кресла. Но, подняв глаза, он увидел ужас на лицах ведущих и звукорежиссера: фрагмент спектакля, в котором была сконцентрирована и основная идея передачи, и ее эмоциональный акцент, в компьютере отсутствовал. А ведь монолог уже был объявлен и охарактеризован как смысловая и интонационная кульминация всего рассказа, в эфир проскочила даже реплика звукорежиссера: «Ой, попробуем найти...»

Секундная пауза и... журналист начал пересказывать этот монолог: сначала своими словами, потом все ближе и ближе к авторскому тексту, а затем приближаясь и к интонации, манере чтения известного актера, исполнявшего монолог на сцене знаменитого театра. Это не было ни копированием, ни имитацией, ни тем более пародией – журналист хорошо знал манеру общения этого замечательного артиста с публикой и старался передать ее своим голосом.

Заметим, что этот журналист никогда не учился профессии актера и таковым не был. Выручили знание предмета, многолетнее личное знакомство с артистом и драматургом и, конечно же, интуиция, толкнувшая на этот почти безрассудный поступок. Но он рискнул – и выиграл.

После программы было много звонков на «Эхо Москвы», большинство слушателей благодарили за интересное и неожиданное решение финала передачи.

Разумеется, эта ситуация нетипична, и она потребовала от корреспондента не только быстроты реакции, знаний, навыков, мастерства, но и решительности.